

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. Ольдерогге

Вып. XXV

ГЕОГРАФИЯ. ЭТНОГРАФИЯ. ИСТОРИЯ

Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1987

В. С. Ягья

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ЭФИОПИИ НАЧАЛА XX в.

**(по неопубликованным письмам
русского дипломата Б. А. Чемерзина и его жены)¹**

1 ноября 1979 г. ленинградцы, супруги Ю. Н. и Л. Ф. Кашменские, передали мне три толстые тетради — две в твердом переплете, одна без обложки². В них содержатся письма поверенного в делах России в Эфиопии Бориса Александровича Чемерзина, назначенного на этот пост в марте 1910 г., и его жены Анны Васильевны к их родственникам и знакомым, проживавшим в Петербурге. Письма переписаны в тетради, судя по всему, сестрами Анны Васильевны. Некоторые из них пронумерованы; местами в их текст внесена правка, сделанная, как можно предположить по почерку, самой Анной Васильевной. Ей же, как следует из текста, принадлежит тринадцатистраничное описание поездки по морю от Одессы до Порт-Саида, когда чета Чемерзиных направлялась в Аддис-Абебу. При переписке многие письма приведены не полностью: в них опущены подробности личного характера.

Всего в трех тетрадях 206 писем: в первой — 55, датированных с 27 июля 1910 по 7 мая 1911 г., во второй — 112, охватывающих период с 21 мая 1911 по 5 октября 1913 г., в третьей — 39, отправленных адресатам между 13 октября 1913 и 29 июня 1914 г. В первой тетради оставлено несколько чистых страниц, в третьей таких страниц много. В каждой тетради большинство

¹ В основу настоящей статьи положен доклад на тему «Неопубликованные письма Б. А. и А. В. Чемерзиных», сделанный автором 17 декабря 1980 г. на заседании Восточной комиссии Географического общества СССР.

² Юрий Николаевич Кашменский в 1950—1952 гг. был директором советского госпиталя Красного Креста и Красного Полумесяца имени деджазмача Балча в Аддис-Абебе, ныне — преподаватель Ленинградского финансово-экономического института им. Н. А. Вознесенского. Любовь Федоровна Кашменская, заканчивая в конце 40-х годов Институт живописи и культуры и архитектуры Академии художеств СССР им. И. Е. Репина, писала дипломную работу на тему «Современное искусство Эфиопии», в настоящее время — сотрудница одной из художественных школ Ленинграда. К ним эти тетради попали от Татьяны Сергеевны Григорьевой, соученицы Ю. Н. Кашменского по школе. Ей же они достались от бабушки, близкого друга Бориса Александровича Чемерзина.

страниц специально помечено годом написания письма, а иногда еще днем и месяцем. Письма датировали по старому стилю, который в данной статье сохранен при их цитировании с одновременным указанием в скобках на новый стиль. Переписчиками сообщается также авторство письма и большей частью его адресат.

В третью тетрадь было вложено письмо, написанное 9 мая (21 мая) 1917 г. Борису Александровичу по-русски на маленьком листочке бумаги эфиопом, неким Тона, и заверенное личной печатью Тона. В нем краткая информация о жизни самого Тона и слова благодарности Б. А. Чемерзину за присланные семена какого-то растения (возможно, табака, поскольку Тона сообщал о своей работе в табачной монополии).

Письма Чемерзиных представляют собой интересный источник по истории, географии и этнографии Эфиопии начала XX в. В них даны также оценки тем или иным российским гражданам, побывавшим в Эфиопии в 1910—1914 гг. (А. К. Булатовичу, А. Кохановскому, Н. Виноградову и др.). Частный характер писем придает им особое источниковедческое значение, поскольку при их написании корреспондент (речь идет о Б. А. Чемерзине) не был связан рамками официального дипломатического сообщения. Письма его супруги, хотя и неискушенной в большой политике, тем не менее содержат ряд ценных наблюдений над различными сторонами жизни Эфиопии. Любопытно в этой связи признание самого Бориса Александровича: «Аня пишет за меня то, что нужно, и даже то, что не нужно...» [письмо от 18 ноября (1 декабря) 1910 г.]. То есть можно предположить, что его жена информировала своих адресатов о таких фактах, о которых он не мог, несмотря даже на приватный характер корреспонденции, писать.

Многие данные, приводимые Чемерзиным, уникальны. Они позволяют, в частности, восполнить некоторые пробелы в изучении политической истории Эфиопии в 1910—1914 гг. и расставить верные акценты в ее научном познании. Особое значение приобретают сведения, касающиеся внутри- и внешнеполитического положения Эфиопии в 1911—1913 гг. — в период, который условно (с известными оговорками) можно назвать междоусобицей. Заметим попутно, что эти годы в жизни страны наименее исследованы в эфиопской и зарубежной (в том числе советской) историографии новой истории Эфиопии.

В настоящей статье предпринимается попытка, базируясь на неопубликованных материалах Чемерзиных, осветить некоторые аспекты политической ситуации в Эфиопии в междоусобицу. Для того чтобы обстоятельнее представить характерные черты того времени, необходимо выяснить основные тенденции развития страны в предшествующие годы.

Со второй половины 900-х годов Менелик II (1844—1913), во многом преуспевший в создании централизованного Эфиопского государства, из-за тяжелой, неизлечимой болезни стал постепен-

но отходить от непосредственного управления страной. Тогда вновь возродились феодальные распри, обострилось соперничество знатнейших и могущественных фамилий, усилились интриги при дворе, усложнились взаимоотношения центральной власти с правителями на местах, а также активизировались центробежные силы. Особую актуальность приобрел в те годы вопрос о престолонаследнике. Речь шла не просто о том или ином имени, претенденте на трон, а о путях и методах государственного строительства, о продолжении и усовершенствовании внешне- и внутриполитического курса Менелика II, о судьбах Эфиопии.

Вокруг этого вопроса разгорелась острая политическая борьба между различными феодальными группировками эфиопского общества, не раз принимавшая форму вооруженных столкновений. В нее включились так или иначе и иностранные дипломаты, аккредитованные при императорском дворе. Духовенство страны также не было сторонним наблюдателем в этой борьбе: оно поддерживало ту или иную группировку.

Ко времени появления первых слухов о болезни Менелика II³, в 1906 г., в стране не был официально провозглашен преемник императора. Сам монарх не имел сыновей, его единственный сын умер в юном возрасте. Общеизвестно, что Менелик II рассчитывал передать управление государством своему родственнику, талантливому политическому деятелю расу⁴ Мэконнну. По мнению французского путешественника Мишеля, рас Мэконнн был единственным соратником императора, способным продолжить его дело по модернизации страны [19, с. 54—56]. Однако надежды Менелика II не сбылись: рас неожиданно в марте 1906 г. скончался.

Тогда император стал отдавать предпочтение своему внуку, лиджу Иясу, родившемуся в 1896 г. от брака его дочери Шоуарэг с могущественным правителем Уолло расом Микаэлем (до

³ В литературе высказывается предположение, что Менелика II неоднократно пытались отравить. Об этом, в частности, заявили в 1909 г. два германских врача, приглашенные лечить больного императора. Подозрение тогда пало на императрицу Тайту, которая, в свою очередь, высказала предположение, что на жизнь ее супруга покушался нэгадрас Хайле Гийоргис, министр торговли и иностранных дел. Видимо, кое-кто из ближайшего окружения Менелика II также заподозрил нэгадраса, ибо он вскоре был выведен из правительства. Немного поправившись, Менелик II молчаливо согласился с отстранением Хайле Гийоргиса. В английском официальном издании «Абиссиния» сообщается, что, когда Тайту поссорилась с германскими советниками, привлеченными ею же самой во дворец, и уволила их, те в отместку обвинили ее (хотя и косвенно) в попытке отравить императора [15, с. 53]. В докладе, сделанном на VIII Международном конгрессе эфиопистов в ноябре 1984 г. в Аддис-Абебе, американская исследовательница К. П. Розенфелд утверждала, что Тайту подозревала Хайле Гийоргиса, имевшего тесные связи со Штайнхуслером, одним из лечащих врачей императора, в руководстве неудавшимся заговором группы придворных против нее в июле 1909 г. [23, с. 4]. К. П. Розенфелд также полагала, что заявление германского врача об отравлении Менелика II было необоснованным, ибо тот проводил анализы некачественно [22, с. 126].

⁴ Расшифровку эфиопских титулов см. в конце статьи.

принятия христианства носившим мусульманское имя Мухаммед Али). Но он не упускал из виду также другого, уже взрослого, внука Уосэн Сэгэда (род. в 1882 г.), матью которого была все та же Шоуарэг, а отцом — Уодаджо, сын крупного полководца раса Гобэны, и свою дочь Зоудиту (род. в 1876 г.).

Монарх не мог долгое время решиться, кого же объявить своим преемником. Задача несколько упростилась, когда в 1908 г. умер слабовольный Уосэн Сэгэд. Зоудиту же, как полагает Г. В. Цыпкин, «женщина богомольная и консервативная, мало подходила для роли правительницы Эфиопии начала XX в., когда интересы страны требовали от монарха умения вести отношения с европейскими державами» [8, с. 268] и, добавим, дальнейших прогрессивных реформ. Это, судя по всему, прекрасно понимал и сам Менелик II. По-видимому, уже в середине 1907 г. он твердо остановил свой выбор на Иясу (см. [10]). Однако официально об этом не было объявлено. И не случайно. Прав Г. В. Цыпкин, предположив, что «долгое молчание Менелика относительно своего преемника объяснялось его нежеланием обострять борьбу между соперничавшими феодальными партиями» [8, с. 268—269].

В условиях, когда его здоровье постоянно ухудшалось, Менелик II не хотел создавать в лице Иясу и его сторонников еще один центр власти в стране, который мог бы рассматриваться как противовес личному участию монарха в государственных делах. Император опасался также негативной реакции многих феодалов и духовенства, боявшихся усиления и так, по их мнению, непомерно влиятельного раса Микаэля, ни мусульманское прошлое, ни этническое происхождение (он был оромо) которого не забывались⁵. Менелик учитывал к тому же решительные возражения его намерению со стороны императрицы Таиту (четвертой жены Менелика), заметно влиявшей на умонастроения своего августейшего супруга, особенно после того, как тот из-за болезни все больше нуждался в ее заботе, уходе и поддержке. Ему хорошо были известны честолюбивые помыслы самой Таиту, ее политические амбиции и социально-региональные симпатии⁶.

⁵ В стремлении опорочить Микаэля в глазах императора противники раса не раз обвиняли его в тайных связях с враждебными мусульманскими племенами.

⁶ Таиту, как только заболел ее супруг, сконцентрировала в своих руках значительную власть в стране, став, по сути дела, фактической главой государства [17, с. 577; 18, с. 235—236]. В ее планы первоначально входило стать самой после смерти Менелика II регентшей, а императором провозгласить своего племянника, раса Гугсу Уоле (сын раса Уоле), правителя обширной провинции Бэгемдыр, который был женат на дочери Менелика II (кстати, при содействии Таиту) Зоудиту. Затем, убедившись в невозможности осуществить подобные замыслы, она вознамерилась добиться от Менелика II согласия объявить Зоудиту престолонаследницей, а раса Гугсу — регентом при ней. Себе же при такой комбинации Таиту отводила роль фактического главы государства, хотя и оставалась бы в тени [15, с. 53; 16, с. 134]. В Аддис-Абебе распространились тогда слухи о том, что Таиту вознамерилась якобы

Таиту представляла во дворце интересы северозэфиопских феодалов, с некоторыми из них она состояла в родстве. Ее брат, рас Уоле, правивший в Тигре — ключевой провинции на севере, занимал ведущее положение среди местных (северных) феодалов и духовенства, объединявшегося вокруг абуну Петроса. Эта феодальная группировка, возникшая на этнорегиональной и социально-клерикальной основе, составляла главную оппозицию планам Менелика II в отношении Иясу. Дело в том, что на севере особенно опасались за свои позиции в стране в случае прихода к власти Иясу, поскольку это означало дальнейшее укрепление господства феодалов Центральной и Южной Эфиопии (шоанско-южноэфиопская группировка) — социально-политической опоры Менелика II и его предполагавшегося преемника. Надежде феодалов севера на возвращение трона представителям их династической линии Соломонидов (так было в недалеком прошлом) тогда не суждено было осуществиться. Они склонны были согласиться с любым из вариантов, предлагавшихся Таиту, но более всего по душе им пришлась идея объявить Зоудиту престолонаследницей. Главное состояло в том, чтобы, завладев троном, восстановить свою гегемонию в стране и, следовательно, значительно ослабить (если не полностью устранив) позиции шоанско-южноэфиопских феодалов.

Среди последних не было в то время единства в отношении к Иясу. Однако они сумели преодолеть свои разногласия, одобрив в конечном счете выбор Менелика. В противном случае им не избежать было бы раскола и как следствие этого потери своего доминирующего положения в империи. Эта группировка вступила даже в союз с расом Микаэлем и его приверженцами (среди них была знать оромо⁷), обеспечив тем самым мощную поддержку императору в его решении относительно Иясу. На ее стороне оказалось и духовенство, отправлявшее службу в Центральной и Южной Эфиопии и возглавлявшееся абуну Маттеосом.

Шоанско-южноэфиопских царедворцев понуждало к объединению против Таиту и ее партии еще одно обстоятельство. В большинстве своем они были менеликовскими выдвиженцами из небогатых помещичьих семей или даже из беднейших слоев. А. Кохановский, врач при российской дипломатической миссии, писал: «Вчерашние ашкеры и писаря приобретают огромную власть и силу, перед которой склоняются высокородные аристократы» [5, с. 323]. В случае же победы северян в споре за трон эти сановники двора Менелика теряли не только власть, но и богатство, почести и привилегии.

создать самостоятельное государство на севере Эфиопии и стать во главе его [23, с. 5]. Их абсурдность очевидна, хотя они сыграли свою негативную роль по увеличению антипатии к императрице среди феодалов области Шоа и юга.

⁷ В этой связи показательно, что даже рас битудадд Тэсэmma, один из самых могущественных сановников, несмотря на свою враждебность и порой ненависть к расу Микаэлю, вынужден был, учитывая серьезность ситуации, сотрудничать с ним.

Что касается партии раса Микаэля, то она могла рассчитывать на успех в борьбе за императорскую корону только при условии выбора Менелика в пользу Иясу и при неизменном согласии с ним шоанцев и южан. Не исключалось, однако, что эта группировка будет искать себе союзников и на севере, но преимущественно уже после того, как окончательно прояснится вопрос о престолонаследнике, да и то тайно. Пытались найти себе поддержку (но большей частью безуспешно) в том или ином лагере и другие противоборствующие партии.

Таиту и ее сторонники, заручившись поддержкой наследственного правителя Годжама раса Хайлю (сына покойного негуса Тэкле Хайманота), влиятельного дэджазмача Айялеу, начальника дворцовой стражи уагшума Гуангула Зэггэе и многих других видных сановников империи⁸, резко активизировали свою деятельность по срыву замыслов Менелика в отношении Иясу, после того как в июне 1908 г. император на заседании кабинета министров впервые публично объявил лиджа своим преемником. Но официально об этом в стране не объявлялось, т. е. о воле императора знал узкий круг лиц. Выбор Менелика был зафиксирован, однако, в специально составленном тогда обращении к народу, предназначенном для оглашения в подходящий момент или в случае критической ситуации. Власти информировали об этом решении Менелика II иностранные державы, чьи дипломаты были аккредитованы при эфиопском дворе [4, с. 118].

Таиту энергично занималась упрочением своих позиций, назначая преданных ей феодалов на ответственные государственные должности, смещая противников, увеличивая численность верных ей войск, обеспечивая их оружием и т. д.⁹.

⁸ Таиту могла рассчитывать еще на поддержку дэджазмача Балча, управлявшего с апреля 1908 г. Харэром (через него осуществлялись поставки оружия, закупленного Таиту за границей), а также многих тиграйских феодалов, которым, вероятно, она обещала в случае успеха освободить дэджазмача Гугсу, традиционного правителя Тигре, внука императора Йоханныса IV (1872—1889), находившегося долгие годы под домашним арестом в Аддис-Абебе. В борьбе за трон, по ее мнению, мог остаться нейтральным двоюродный брат императора, могущественный правитель Кэффы рас Уольдэ Гийоргис (1859—1918), женатый на сестре Таиту.

⁹ Таиту, по мнению многих очевидцев, принадлежала к противникам нововведений в жизни страны [15, с. 53; 20, с. 134 и др.]. Но есть иная точка зрения (число сторонников которой невелико), свидетельствующая о том, что Таиту вовсе были не чужды такие новшества в стране, как открытие банка, светской школы и некоторые другие (см., например, [22]). Таиту получила высокое по тем временам образование в церковной школе: она отменно владела гэззом — классическим языком Эфиопии, читала и писала на амхарском, умела составлять и понимать сложнейшие стихи «кыне», имеющие двойной смысл, играла в шахматы, переписывалась в изысканной манере с английской королевой Викторией и итальянской королевой Маргаритой. Участвуя не раз в решении важнейших государственных дел, Таиту приобрела большой опыт управления страной, т. е. была искусна в политике. Она была очень подозрительна к иностранцам, что соответствовало ее стремлению к изоляции страны от внешнего мира. Итальянский дипломат при дворе Менелика граф Пьетро Антонелли еще в 1885 г. писал, что Таиту, являясь главой тиграйской

Противники Таиту, чтобы сорвать ее планы и вместе с тем укрепить позиции Иясу, использовали традиционный способ, устроив по инициативе Менелика династический брак: 15 мая 1909 г. тринадцатилетний Иясу женился на принцессе Цыге Роман, шестилетней дочери покойного раса Мэнгэша (правителя Тигре, сына Йоханныса IV), приходившейся одновременно внучатой племянницей Таиту. А два дня спустя после состоявшейся свадьбы в Аддис-Абебе на императорской площади (джан меда) в присутствии высших сановников, духовенства и иностранных дипломатов министр пера Гэбрэ Селассие зачитал монарший указ, по которому Иясу провозглашался престолонаследником. Здесь же абуна Маттеос принял клятву присутствовавших феодалов в верности избраннику Менелика II. Но и тогда Иясу не был назван по имени, в тексте упоминался лишь титул наследника (лидж) да и обращение к нему — «мой потомок» относилось по крайней мере к шести членам царской фамилии, а не только к Иясу [23, с. 3].

Когда же в октябре 1909 г. ситуация в столице обострилась из-за беспорядков, возникших в результате распространившихся слухов о насильственной смерти Менелика II и об отравлении Иясу, власти широко оповестили в самом начале ноября о воле монарха относительно Иясу как о престолонаследнике и о назначении раса битуюддэда Тэсэммы регентом [17, с. 581], ставшего еще в июле 1908 г. по приказу императора главой специально созданного регентского совета. Теперь уже был обнародован указ, в котором преемником императора был назван Иясу.

Такое развитие событий не устраивало Таиту и ее приверженцев. Их не удовлетворил даже династический брак Иясу. Они продолжали готовиться к захвату власти. Особое беспокойство их противников вызвало сообщение, что императрица передала в распоряжение северозападных феодалов несколько пушек и две тысячи винтовок, только что полученных из-за границы. Открытое столкновение становилось неизбежным. Оно произошло в конце марта 1910 г.

Шоанская и южноэфиопская знать, обсудив на тайной встрече в соборе святого Тэкле Хаймонота сложившееся положение и наметив ответные меры, ввела в действие свои войска¹⁰, которые получили подкрепление в виде двух пулеметов и нескольких тысяч патронов, предоставленных французской дипломатической партией в Шоа, представляет собой «фокус изоляционистских тенденций» (см. [22, с. 121]). (Попутно заметим, что Таиту ненавидела Антонелли.) Это тем не менее не мешало ей обращаться к иностранцам за помощью, когда в таковой она нуждалась [1, с. 184; 11, с. 105; 14, с. 116; 15, с. 54].

¹⁰ Наибольшую активность среди шоанско-южноэфиопской знати тогда проявили деджазмач Дэммысе, деджазмач Уубе, фитауари Уосани, фитауари Мэконнын, фитауари Гэбрэ Мариам, бывший в то время командующим императорской гвардией, а также рас битуюддэд Тэсэмма, военный министр фитауари Хабтэ Гийоргис и деджазмач Тафари Мэконнын, который не мог простить Таиту ее решающей роли в лишении его права на губернаторство в Харэре, куда был назначен упоминавшийся ранее деджазмач Балча. Заговорщиков поддержал и абуна Маттеос.

ской миссией и Компанией франко-эфиопской железной дороги Джибути — Аддис-Абеба. 21 марта они заняли арсенал и места дислокации артиллерийских орудий, а затем окружили дворец императрицы. Видя, какой оборот приняли события, Таиту обратилась к итальянскому посланнику графу Колли ди Фелиццано за помощью, но ожидаемой поддержки она не получила. (Более того, о просьбе Таиту итальянцы незамедлительно информировали Тэсэмму.) Затем Таиту просила поддержки у дипломатов других держав, представленных в Аддис-Абебе, но поступавшие ответы были не утешительны для нее. Ей было отказано и в предоставлении политического убежища, о чем она стала просить дипломатов, когда поняла, что сопротивление бесполезно [22, с. 128]. Она не могла получить немедленную военную поддержку от своих сторонников, находившихся в большинстве своем далеко от Аддис-Абебы, а войска, сконцентрированные ею в столице, были окружены, их принудили разоружиться, а затем отправиться по домам. Некоторые из тех, на кого рассчитывала Таиту (например, рас Уольдэ Гийоргис, самым ближайшим другом которого был рас битуюддэд Тэсэмма [13, с. 54]), на поверку оказались не на ее стороне. 23 марта все было кончено (К. П. Розенфелд в последней своей работе утверждает, что это произошло 27 марта 1910 г. [23, с. 10]). Императрице пришлось уступить: ей предложили либо уйти в монастырь, либо остаться во дворце, чтобы ухаживать за больным супругом, но не вмешиваться при этом в государственные дела. Таиту выбрала второе.

Сразу же после отстранения Таиту назначения, сделанные ею, были отменены, арестованы наиболее преданные ее сторонники, а также направлены повсюду на службу люди, верные регенту и его сподвижникам, многим из них были дарованы новые титулы, даны обширные земли, дэджазмач Тафари Мэконнын вновь получил губернаторство в Харэре, а раса Уольдэ Гийоргиса назначили управлять Бэгемдыром. Иясу развелся с Цыге Роман, ибо этот брак уже терял свой политический смысл, и женился на четырнадцатилетней дочери раса Хайлю, Соломониде Сэбле Уонгэль (этот брак также имел политическую подоплеку: спустя некоторое время он был тоже расторгнут по инициативе Иясу, так как уже не соответствовал, по его мнению, новому государственному курсу). Наследнику при дворе начинают уже отдавать почести, обычно предназначавшиеся только монарху.

Выступлений на севере страны против центральной власти фактически не было, если не считать попытки раса Уоле восстановить позиции своей сестры, окончившейся неудачей. Рас, двинувший свои войска на Аддис-Абебу, вынужден был при виде превосходящих сил раса Микаэля и раса Уольдэ Гийоргиса пойти на компромисс.

На исход борьбы за императорскую корону не могла в конечном итоге повлиять даже смерть 11 апреля 1911 г. регента

раса битуудэда Тэсэммы, очень авторитетного и почитавшегося сановника¹¹. В стране усиливались позиции престолонаследника, он стал активнее участвовать в государственных делах. Американский историк Г. Маркус считает даже, что с того времени (конец апреля 1911 г.), как Иясу стал председателем регентского совета после смерти Тэсэммы¹², началось де-факто его царствование [18, с. 251—252]. Вернее, однако, что с того момента началось междоусобица, длившееся около двух с половиной лет. Можно согласиться с американским историком в том, что наследник приобрел значительный вес в различных политических и военных делах. Однако во многом он был нерешителен, его инициативы порой не воспринимались придворными всерьез. Дело в том, что присутствие Менелика II во дворце, к середине 1911 г. полностью парализованного и совсем отошедшего от управления страной, ограничивало возможности Иясу в проведении своего политического курса, в распространении контроля над феодальной верхушкой, заставляло его всегда действовать с оглядкой на дворец, на то, как воспримут его очередной шаг верные соратники Менелика, вызывало в нем неуверенность, непоследовательность, а также позволяло противникам наследника, апеллируя к авторитету Менелика II, не подчиняться его приказам, тем более что в условиях, когда с политической сцены была устранена Таиту, представлявшая вместе с ее приверженцами главную опасность доминирующему положению Шоа, в рядах шоанцев и южан возродились разногласия относительно Иясу. Противоречия особенно обострились после того, как стало ясным стремление Иясу к самостоятельному руководству империей, к освобождению от зависимости от шоанско-южноэфиопской знати.

Наиболее активным противником Иясу в то время стал рас Абатэ, вокруг которого группировались многие из тех, кто был недоволен наследником. Абатэ дважды — в мае и ноябре — декабре 1911 г. — предпринимал решительные действия, чтобы устранить лидера от власти. Рас Абатэ вначале стремился сам взойти на трон, женившись на Зоудиту, предварительно добившись ее развода с расом Гугсой. Затем, убедившись в нереальности этого намерения, он (сосредоточив, однако, в своих руках реальную власть в стране) попытался стать регентом Эфиопии, но этому воспрепятствовали многие придворные, в том числе военный министр фитаурари Хабтэ Гийоргис, лигаба (церемониймейстер) Уольдэ Гэбриель и рас Люль Сээд. Потребовалось даже вмешательство в июне 1911 г. абуны Маттеоса и ычэге

¹¹ Принцесса крови Асфа Ильма допускала, что Тэсэмму отравил один из друзей Иясу, который был чрезвычайно завистлив в отношении того влияния, какое оказывал регент на Иясу, и который мечтал занять освободившееся место. Ею не исключается, однако, и возможность того, что смерть раса битуудэда — дело рук Таиту [11, с. 118].

¹² В докладе А. Кохановского министру иностранных дел царской России С. Д. Сазонову ошибочно утверждается, что после смерти Тэсэммы регентом стал фитаурари Тэляхун [5, с. 330].

Уольдэ Гийоргиса, чтобы предотвратить военное столкновение между Абатэ и Иясу. В декабре 1911 г. рас Абатэ был арестован и заточен в тюрьму в Магдалле [6, с. 103—104].

В том же, 1911 г. произошло несколько вооруженных выступлений ряда крупных феодалов против Иясу, в июле была даже предпринята попытка отравить его. Среди шоанцев и южан, которых лидж не устраивал в качестве престолонаследника по личным, феодально-классовым, региональным, этноконфессиональным (мусульманское происхождение его отца никогда не забывали при дворе) или феодально-монархическим представлениям, шли интенсивные поиски будущего преемника Менелика II, называли раса Уольдэ Гийоргиса, двоюродного брата императора фитаурари Тайе, дэджазмача Тафари Мэконнына, который в будущем сыграл заметную роль в свержении Иясу, или даже, как это ни странно может показаться, Зоудиту. Выдвигалась также идея установления республиканского строя с провозглашением раса Уольдэ Гийоргиса президентом и созывом парламента из представителей всех провинций. Часть потомственной аристократии убеждала раса Уольдэ Гийоргиса, по материнской линии восходившего к негусу Шоа Сахле Селасие (1813—1847), двинуть многочисленные войска на Аддис-Абебу, предъявив свои права на трон.

В столь противоречивой и сложной обстановке заметную роль сыграл рас Микаэль, который, опираясь на своих людей в правящей верхушке и на личные хорошо вооруженные войска, сумел не только ликвидировать опасность, грозившую в 1911 г. Иясу, но и укрепить позиции сына. Однако полностью пресечь среди части шоанцев и южан настроения, направленные против Иясу, ему не удалось. Это четко проявилось уже после смерти Менелика II, официальной датой которой считается 12 декабря 1913 г.

Словом, внутривполитическая обстановка в Эфиопии в междоусобицу и предшествовавшие ему годы, усугублявшаяся колонизаторскими происками Англии, Франции и Италии, была сложной, противоречивой. В такой ситуации и протекала дипломатическая деятельность Бориса Александровича Чемерзина, направленная на упрочение независимости Эфиопского государства¹³. Его положение осложнялось тем, что дела в миссии пришли в запустение, так как в ней не было руководителя с 1905 г., когда умер посланник Лишин (похоронен в Аддис-Абебе).

Долгожданный приезд главы российской миссии был с удовлетворением встречен в правящих кругах Эфиопии. Уже в

¹³ Основываясь на материалах Архива внешней политики России, советский исследователь Ю. М. Кобищанов пишет: «Все русские дипломатические представители, кроме Н. Виноградова, поддерживали Иясу в его борьбе с реакционными кликами и иностранными державами, стремившимися расчленить Эфиопию на свои „сферы влияния” и превратить ее в полуколонию» [3, с. 80].

Харэре, куда прибыл Чемерзин по пути следования в Аддис-Абебу, ему устроили торжественный прием. Еще будучи в Диредауа, он узнал из телефонного разговора с доктором А. Кохановским, находившимся в Аддис-Абебе и временно управлявшим миссией, о том, что эфиопское правительство чрезвычайно обрадовано прибытием дипломатического представителя России. Оно готовилось, как сообщил А. Кохановский, оказать Б. А. Чемерзину такие почести, какие обычно предназначались только посланникам, хотя он был лишь поверенным в делах, т. е. рангом ниже. Сам Борис Александрович, ознакомившись с обстановкой в стране, писал 18 ноября (1 декабря) 1910 г.: «Дела политического будет, вероятно... достаточно, так как абиссинцы уж счень обрадовались приезду русского представителя». И это не случайно.

Россия имела среди эфиопских правящих кругов высокий авторитет. Ее политика, направленная против стремлений Англии, Франции и Италии в той или иной форме поработить Эфиопию, пользовалась значительным уважением. В Аддис-Абебе знали, что российские дипломаты строго следовали указаниям, сделанным министерством иностранных дел еще П. М. Власову, первому главе русской миссии в Эфиопии (1897—1900), а именно: «по возможности охранять его [негуса] от козней наших политических соперников, в особенности англичан, преследующих в Африке столь честолюбивые и хищнические цели» (см. [7, с. 78]). Вот почему Б. А. Чемерзина ждали в Аддис-Абебе с надеждой и нетерпением. Правящая верхушка, делавшая ставку на Иясу, и сам лидж рассчитывали на поддержку России не только в противодействии западноевропейским колонизаторам, но и в решении ряда внутривосточных проблем.

Это, однако, не исключало наличия при дворе сановников, выступавших против связей с Россией (например, нэадрас Йегызу Бэхабте, назначенный еще при Таиту министром торговли и иностранных дел вместо нэадраса Хайле Гийоргиса). Именно они, притом не без влияния Англии, Франции и Италии, сорвали в 1910 г. попытку раса битуюдэда Тэсэмы направить эфиопское посольство в Санкт-Петербург. Но общий настрой в стране, в том числе и прежде всего при дворе, был благожелательным для России, что проявилось, в частности, во время приезда Б. А. Чемерзина.

Борис Александрович и сопровождавшие его лица 30 октября (12 ноября) «въехали в город [Аддис-Абебу] с большой торжественностью и были немедленно приняты Регентом и Лич-Ясу [лидж Иясу]» (письмо Б. А. Чемерзина от 5 (18) ноября 1910 г.). Подробное описание въезда русского дипломата дано в письме его жены от 1—5 ноября 1910 г. Оно содержит ряд интересных наблюдений, существенно дополняющих сведения, приведенные самим Борисом Александровичем.

Чемерзины, их люди (буфетчик, два казака) и проводники, отбив из Харэра, достигли окрестностей Аддис-Абебы 11 нояб-

ря, разбив лагерь в Тола. Утром следующего дня приветствовать Чемерзиных прибыли министр иностранных дел, министр двора и министр земледелия (сельского хозяйства) в сопровождении большого числа воинов и слуг. Первые два министра участвовали во встрече согласно утвердившемуся при менеликском дворе протоколу, третий же, как подчеркивает Анна Васильевна, — «из любви к русским». После обмена приветствиями и устроенного Б. А. Чемерзиным угощения кофе представительная процессия двинулась из Тола к императорскому дворцу (гэби) в столице. В тронном зале ее уже ждали регент и лидж Иясу. Здесь Анной Васильевной подмечены два штриха, характеризующие положение Иясу: он восседал в кресле, поставленном на небольшом возвышении у подножия пустовавшего трона царствовавшего монарха; Б. А. Чемерзин передал регенту письмо, подписанное министром иностранных дел России, а не Николаем II, как это всегда делалось, когда послание вручалось непосредственно главе государства. По окончании аудиенции Борис Александрович и сопровождавшие его лица, в том числе высокопоставленные эфиопы, отбыли в здание миссии. И начались для поверенного в делах трудовые будни: он с головой окунулся в политическую жизнь страны.

В январско-февральских письмах 1911 г. Б. А. Чемерзин особо указывает на свою занятость делами. В 1911—1914 гг. русскую миссию неоднократно посещали лидж Иясу, рас битуюдэд Тэсэмма, военный министр фитаурари Хабтэ Гийоргис, рас Микаэль и многие другие видные сановники Эфиопской империи. Они также приглашали к себе с официальными и неофициальными визитами Бориса Александровича, вели с ним конфиденциальные беседы, содержание которых в письмах, к сожалению, не раскрывается. Не раз от их имени вручались в дар Борису Александровичу дикие или домашние животные. Так, рас Микаэль подарил ему великолепного коня. Иясу, регент (или даже сам Менелик) несколько раз просили передать львов в дар Николаю II. Всех дарованных животных Б. А. Чемерзин отправил в Россию.

В тяжелые минуты своей жизни, возникавшие в ходе утверждения собственной власти, лидж Иясу учащал посещения российской миссии. Показательно в этом отношении письмо Б. А. Чемерзина от 30 декабря 1913 г. (12 января 1914 г.), в котором сообщалось: «В последнее время что-то уж очень меня полюбил Лидж-Ясу. Был у нас на празднике 6 дек[абря, т. е. 19 декабря по н. ст.] с поздравлениями и снова заехал поболтать в Миссию 5 дней тому назад. Я-то знаю, в чем дело тут, а другие изумляются». Однако в последующих письмах ни самого Бориса Александровича, ни его супруги ничего не говорится о том, что же он имел в виду. Можно лишь, учитывая упоминавшиеся выше трудности восшествия Иясу на престол, предположить, что он надеялся на одобрение Россией его внутри- и внешнеполитических шагов после смерти Менелика. Активиза-

ция лиджем сношений с Б. А. Чемерзиным зимой и весной 1914 г., возможно, связана и с его намерением отправить в Петербург чрезвычайную дипломатическую миссию, о чем упоминается в июньских письмах того же года.

Высокий авторитет, которым пользовались Россия и ее дипломатический представитель, вызывал недовольство и даже злобу со стороны коллег Б. А. Чемерзина из других стран. В письме от 26 октября (8 ноября) 1912 г. Анна Васильевна сообщает: «К довершению всех неприятностей мелких с сотоварищами Борису [Александровичу] приходится переживать также и неприятности с коллегами. Итальян[ский] посланник, старшина диплом[атического] кор[пуса], не может простить Борису его самостоятельных и очень удачных выступлений относительно абисс[инского] правительства, склонного всегда на уступки русской Миссии. Будучи слишком умен, чтобы лично делать Борису каверзы, он настраивает англичанина и француза». Эти слова содержат явное указание на заинтересованность Аддис-Абебы в поддержке России, а также на противодействие англо-франко-итальянских колонизаторов российской политике в Эфиопии.

Весьма интересны оценки, какие Чемерзины дали лиджу Иясу и некоторым видным эфиопским сановникам. При первой же встрече наследник показался жене поверенного в делах «еще совершенно не привыкшим к своему положению» (письмо от 1—5 ноября 1910 г.). А в феврале 1913 г. она нашла его немного выросшим, но обрюзгшим, потолстевшим, флегматичным [письмо от 26 января (8 февраля) 1913 г.]. Тогда же она утверждала, что «во внутренних делах он довольно решителен, во внешних же ровно ничего не понимает». Вероятно, столь строгое суждение о неопытности лиджа во внешней политике связано с тем, что ему просто еще не представилось возможности широко проявить себя в решении международных вопросов, ибо в 1911—1913 гг. (да и в предшествующие годы) он был занят главным образом проблемой своего воцарения. Кроме того, известным опровержением этого замечания Анны Васильевны могут служить многочисленные контакты лиджа с русской миссией, его симпатии к России.

Основываясь на опыте личного общения с Иясу и знакомстве с его деятельностью, Чемерзины неоднократно указывали в 1911—1913 гг. на стремление лиджа утвердиться на вершине эфиопской власти и возложить на себя монаршие обязанности. Усилия Иясу в этом направлении заметно возрастали, когда умер рас битуюдэд Тэсэмма или когда распространялись упорные слухи о смерти Менелика (например, в январе—феврале 1913 г.).

Смерть регента, казалось, развязывала лиджу руки по установлению собственного контроля над страной, в том числе и над феодальной верхушкой. Но этому воспротивились придворные сановники и абуна Маттеос, в связи с чем Анна Васильев-

на писала 3 [16] июня 1911 г.: «Лидж Ясу еще не негус за младостью лет, ведь ему недавно еще минуло 14 л[ет], но и регента нет. Покуда старшим считается... [фитаурари] Ато-Георгис [Хабтэ Гийоргис], военный министр, дельный и энергичный человек, сумевший при помощи Абуны и преданного ему войска несколько убавить пыл потерявшего власть над собою после смерти Тесеммы [Тэсэммы] юного наследника. Все обошлось прекрасно, и Лидж Ясу с... [фитаурари] остались друзьями». Благодаря Хабтэ Гийоргису ситуация в Эфиопии некоторое время после кончины Тэсэммы оставалась в целом спокойной (письма Б. А. Чемерзина от 9 (22) апреля и 30 апреля (13 мая) 1911 г.).

Однако длительное отсутствие в Эфиопии твердой монаршей власти, двусмысленное положение Иясу, продолжающееся присутствие во дворце Менелика, который «ничего не говорит, живым труп» (письмо Б. А. Чемерзина от 30 июля (12 августа) 1911 г.), его полный отход от государственных дел — все это спустя несколько месяцев после смерти регента породило в стране обстановку неуверенности, многочисленные интриги при дворе, ожесточенные междоусобицы среди знати, ряд крупных восстаний в провинциях, а также воровство, убийства. О подобном развитии событий Б. А. Чемерзин пишет 22 июля (4 августа) 1911 г.: «Политическое положение здесь весьма смутное: Лидж-Ясу болеет, нервничает, ссорится с более разумными сановниками и якшается с весьма легкомысленными людьми, очокурил себя монахами, знахарями, колдунами и слушает всякую чушь, которую они ему говорят. А в это время члены правительства его между собою ссорятся, и никто никому не повинуется. В провинциях — восстания, правда до сих пор не удавшиеся. В городе же — убийства, грабежи и воровство... Правительство вешает немилосердно пойманных воров, но это мало помогает». Еще не раз в 1911—1913 гг. Борис Александрович будет подчеркивать, что «безначалие... проявляется [в Эфиопии] во всей своей красе».

В условиях междоусобицы лидж Иясу все чаще стал опираться на помощь своего отца, раса Микаэля, не раз наведывавшегося в Аддис-Абебу в сопровождении хорошо вооруженного десятитысячного войска [письмо Б. А. Чемерзина от 19 ноября (2 декабря) 1911 г.]. Укреплению связей отца и сына способствовало и то, что лидж после смерти Тэсэммы перебрался жить из гэби в аддис-абебский дом раса Микаэля.

В 1912 г. Иясу активизировал деятельность по реализации своих планов самостоятельного руководства страной. «Лидж Ясу, — писал Борис Александрович 14 (27) апреля 1912 г., — все время катается между Анкобером и столицей страны Уолло — Дэсие, где живет его отец, Рас Микаэль, все время совещается с правителями Годжама, Гондара, Тигре и др. северных областей Абиссинии и все порывается возложить на себя корону предков. Этому противодействуют Абуна-Матеос и многие вель-

можи из Шоа и юга Абиссинии. Что из этого выйдет, если Менелик не освободит трона своего смертью — никто знать не может». Стремление Иясу заручиться поддержкой северозэфиопских феодалов, о чем говорит Б. А. Чемерзин, не могло не насторожить шоанскую и южноэфиопскую знать, ревностно относившуюся к сохранению и укреплению своего политического и экономического веса в стране.

Убедившись, однако, в невозможности стать во главе государства, Иясу в начале весны 1912 г. отбыл в юго-западные районы, где, по свидетельству Б. А. Чемерзина от 7 (20) июля 1912 г., «охотится на слонов, буйволов и на негров», полагая, что «это занятие несравненно более приятное, нежели заседание в Совете Министров». В действительности же (и это подчеркивается самим Борисом Александровичем) военные походы Иясу в юго-западные земли, включенные Менеликом в конце XIX в. в состав Эфиопской империи в соответствии с политикой реконкисты, совершались с целью поднять свой престиж в стране: традиция, осваившаяся веками, предписывала монарху предпринимать военные походы, лично руководить войсками на поле боя и захватить богатую добычу. 1913 год отмечен новым военным походом лиджа Иясу в районы, население которых не покорилось полностью центральной власти в Аддис-Абебе. Особую жестокость его воинов в тот год испытали на себе, в частности, данакильцы [письмо Б. А. Чемерзина от 20 апреля (13 мая) 1913 г.].

Была и еще одна причина, из-за которой отправился Иясу в 1912 г. на юго-запад, а в 1913 г. — в другие районы страны. О ней очень ясно сообщает Б. А. Чемерзин 7 (20) июля 1912 г.: «К тому же в стране, где он находится [земли на юго-западе, населенные гимирра], не имеется иностранцев, а последние, как он [лидж Иясу] убежден, и составляют в Аддис-Абебе источник всех неприятностей для него, ибо — что несомненно — доставляют массу хлопот». И далее Борис Александрович излагает действия, которые предприняли Англия, Франция и Италия в отношении Эфиопии в то время. Вкратце они таковы.

Воспользовавшись вторжением с территории Эфиопии в пределы англо-египетского Судана вооруженного отряда племени ануак, Лондон стал угрожать эфиопскому правительству применением военной силы. Под давлением Англии и Италии Франция тогда закрыла порт Джибути для транспортировки оружия, закупленного Эфиопией за границей, сославшись при этом на якобы допускаемую Аддис-Абейбой бесконтрольность в торговле оружием. Более того, эти державы вкуче с другими странами, имевшими дипломатические отношения с Аддис-Абейбой, предъявили ей протест по поводу ее попытки отказаться от унижительной для эфиопского суверенитета статьи договора 1908 г. с Францией (так называемого договора Клубуковского), касавшейся неподсудности европейцев эфиопским судам и местному законодательству.

В 1913 г. англичане вновь оказали нажим на Эфиопию, требуя на этот раз от нее территориальных уступок на юге, где проходила граница с британским протекторатом. В обмен, как пишет Борис Александрович 20 июля (2 августа) 1913 г., на земли, хорошо обеспеченные водой, они предлагали эфиопам бесплодный район. «Абиссиния,— подчеркивал Б. А. Чемерзин,— вот уже 3 года, как уклоняется от этой уступки и не хочет даже слышать об обмене... Ныне, воспользовавшись убийством пограничного комиссара, англ[ийского] капитана Ильмера, совершенным абиссинскими бродягами, зашедшими случайно на территорию протектората, Англия снова затянула старую песню о необходимости упомянутого обмена. Однако абиссинцы стоят упорно на своем отказе. Долго ли все это продлится и чем все кончится — предрешить трудно». Иясу, отбыв в 1913 г. надолго из Аддис-Абебы (как и в предыдущем, 1912 г.), пытался тем самым избежать давления, оказывавшегося на него англичанами в связи с этим инцидентом. И таким образом он добивался своего.

Когда лидж возвратился в ноябре 1913 г. в Аддис-Абебу после длительного отсутствия, он отдал распоряжение направить многочисленное войско под командованием военного министра фитаурари Хабтэ Гийоргиса на юг страны, в Борана, на границе с восточноафриканским протекторатом Великобритании. Предполагалось покончить с вооруженными набегами местных племен на территорию этого английского владения, чтобы предотвратить в будущем протесты англичан. «Тайная же цель,— писал Б. А. Чемерзин 18 ноября (1 декабря) 1913 г.,— противопоставить отряд тысяч в 10 абиссинцев собранному, по слухам, на южн[ой] границе английскому отряду в неск[олько] тысяч человек, имеющему будто бы целью урвать кусок абисс[инской] территории».

Отношения с Англией к этому времени вновь обострились из-за инспирированной Лондоном в печати антиэфиопской кампании из-за якобы имевших место поставок оружия антибританским силам в Судане, производимого эфиопами на построенном в Аддис-Абебе оружейном заводе. Б. А. Чемерзин в письме от 18 ноября (1 декабря) 1913 г. полностью разоблачил эти домыслы Лондона: «Все сообщения английского производства из Хартума о ввозе в Судан оружия с оружейной фабрики в Аддис-Абебе — ложь. Вся эта выдумка была следствием великого недовольства Англии тем, что в Аддис-Абебе построена и начнет действовать в начале 1914 г. патронная... фабрика, которую выдумали соорудить абиссинцы под влиянием чинившихся им в 1911 г. препятствий со стороны Италии, Англии и Франции к ввозу огнестрельных припасов».

Англо-франко-итальянские колонизаторы, пытаясь воспрепятствовать укреплению независимости Эфиопии, умело пользовались ситуацией, сложившейся в междуцарствие. Однако частое и длительное отсутствие Иясу в столице мешало осуществлению

их инициатив. Многие дипломатические шаги Лондона, Парижа и Рима не достигали тогда своей цели, ибо в отсутствие лиджа министры «на все запросы и вопросы несколько более сложного характера отвечают полным незнанием и уклоняются от ответов» [письмо Б. А. Чемерзина от 20 июля (2 августа) 1913 г.]. Показательно в этом отношении замечание Бориса Александровича о том, что «здесь [в Аддис-Абебе в декабре 1912 г.] нового ничего нет. Приедет Лидж Ясу — тогда и будут новости». Эти слова Б. А. Чемерзина оказались пророческими.

И действительно, по возвращении Иясу в начале 1913 г. в Аддис-Абебе произошли события, которые основательно потрясли политическую жизнь столицы. Польские ученые А. Бартницкий и И. Мантель-Нечко вообще полагают, что они оказали большое влияние на дальнейшую судьбу Иясу [2, с. 424]. Это — спорное утверждение [10, с. 111]. Вот как описывают эти события Чемерзины.

В письме от 2 (15) февраля 1913 г. Борис Александрович писал: «Здесь произошло давно ожидаемое столкновение дворцовой стражи с войсками Лидж Ясу. Началось с пустяка, продолжалось схваткою врукопашную под стенами Большого Дворца [Гэби] и сопровождалось пальбою ружейною и из митральез. Результат: 10 убитых, 30 раненых. Вмешательство Абуны Матеоса остановило распрю... Теперь все вошло в свою колею». В тот же день Анна Васильевна сообщала: «У нас здесь прошлую субботу [8 февраля по н. ст.] был дворцовый бунт с перестрелкой из митральезы и человеческими жертвами... возможно, что жертв больше [чем сообщил Борис Александрович], но это скрывают и даже раненых выпроводили из Аддис-Абебы... Еще до возвращения Лидж Ясу в городе распространился слух, что по желанию последнего больного императора Менелика предполагают переселить из дворца в какой-то отдаленный монастырь, чтобы он там закончил брэнное существование. Вследствие этого слуха дворцовый фитаурарий, нечто в роде коменданта, заявил, что последнего сделать не позволит, ибо имеет письменное приказание императора защищать его и не допускать кого-либо увозить из дворца... И вот для большего удобства, если дело дойдет до насилия, фитаурарий Габро Мариям [Гэбрэ Марьям] вырезает рощу эвкалиптусов у дворца и ставит митральезу. Вернувшись, Лидж Ясу, узнав о пущенном слухе, обозливается, ибо никогда подобных намерений не имел; ищут виновного, кажется, таковой, подставной или настоящий, находится. Тем не менее Габро Мариям не очень доверяет наследнику, и когда последний отдает какой-то приказ по дворцу, где, впрочем, не живет (кажется, его туда не пускают надолго), то комендант отказывается повиноваться. Посылаются войска, чтобы взять Габро Марияма; тогда последний начинает перестрелку. Все успокаивается к утру прошлого воскресенья [9 февраля по н. ст.]. Абуна Матеус [Маттеос]... уговаривает Габро Марияма и, обещая ему помилование и неприкосновенность, увозит его к себе... Теперь

идут переговоры. Некоторые утверждают, что Габро Марьям получит повышение...»

Предположение о повышении Гэбрэ Марьяма не оправдилось: он был сослан лиджем в Годжам, причем тот нарушил священность и неприкосновенность резиденции абуну, ворвавшись туда и арестовав фитауари. «Зачинщики смуты,— упоминал в письме от 16 февраля (1 марта) 1913 г. Б. А. Чемерзин,— отправлены в северные провинции Абиссинии под надзор». Вновь тем самым проявились связи Иясу с северозападными феодалами, и вновь это не могло пройти мимо внимания шоанцев и южан. Расширявшиеся контакты Иясу с феодалами севера, а также с абуней Петросом, обосновавшимся в Тигре, и с поддерживавшими его церковно- и священнослужителями в северных районах явились основной причиной начавшегося в 1913 г. (и постепенно усиливавшегося) обострения отношений между Иясой и частью шоанско-южноэфиопской знати, абуней Маттеосом, сторонниками последнего среди клерикалов. Конечно, негативную роль сыграло и то, что Иясу нарушил существовавшую в Эфиопии традицию неприкосновенности резиденции абуну.

Усилившееся в 1914 г. недовольство лиджем вынуждало, по видимому, как его сторонников, так и противников скрывать смерть Менелика II. В литературе широко распространено мнение, что официальная дата смерти императора — 12 декабря 1913 г., — очевидно, неправильна, поскольку известие о ней долгое время держалось в тайне [2, с. 424]. Высказывается предположение, что он умер в 1911-м и даже в 1909 г. (см., например, [16, с. 35; 21, с. 53]). Когда авторам, указывающим иную, неофициальную дату смерти императора, возражают, ссылаясь на редкие появления Менелика II в 1909—1911 г. перед иностранными дипломатами и народными массами, они утверждают, что это было подставное, очень похожее на монарха лицо. В этой связи интересно письмо Анны Васильевны от 11 (24) мая 1912 г., в котором сообщается: «Менелика Борис [Александрович] не видел, да и не особенно стремится к этому, ведь это живая развалина, ничего не говорящая и ничего не понимающая, и впечатление он производит лишь очень тяжелое и грустное. Видеть его, конечно, желающие могут: его видел перед отъездом в отпуск граф Коли — итальянский посланник, он его знал здоровым». Борис Александрович заметил 17 (30) ноября 1912 г., что «Менелик живет себе да живет, хотя ничего и не понимает». Из информации Чемерзиных можно заключить, что распространявшиеся в стране в 1911—1913 гг. слухи о смерти императора (послужившие основой для аналогичных суждений в научной литературе) далеки от истины. Однако чета Чемерзиных подтверждает факт сокрытия даты его кончины в декабре 1913 г. В письме Анны Васильевны от 15 (28) декабря 1913 г. говорится, например, что смерть Менелика скрывают и что «даже местная газета, издаваемая с половины этого года на

французском языке еженедельно, по просьбе правительства отрицает ее». Жена российского поверенного в делах утверждает также, что он скончался в ночь с пятницы на субботу, с 29 на 30 ноября (т. е. с 12 на 13 декабря) 1913 г. Оповестили страну об этом только по прибытии в Аддис-Абебу крупных феодалов с войсками.

После смерти Менелика в письмах Чемерзиных не раз обсуждается вопрос о коронации Иясу. В одном из последних писем [от 19 мая (1 июня) 1914 г.] Борис Александрович ссылается на нерешительность Иясу как главную причину постоянного переноса им своей коронации.

Нерешительность Иясу, сформировавшаяся в междоусобице как одна из характерных черт лиджа, явилась фактором, заметно ослаблявшим его позиции в трехлетний период царствования (декабрь 1913 — сентябрь 1916 г.) Но это время в целом выходит уже за хронологические рамки имеющейся в нашем распоряжении корреспонденции Чемерзиных. Содержащиеся в ней материалы, как можно судить по изложенному выше, заметно расширяют наши познания истории Эфиопии начала XX в.

Титулы феодальной Эфиопии

Абуна (правильнее — абунэ) — глава Эфиопской церкви.

Дэджазмач — один из высших военно-феодальных титулов (досл. командующий полком, размещавшимся перед царским шатром).

Лигаба — церемониймейстер, один из высших феодальных титулов.

Лидж — феодальный титул, дававшийся, как правило, членам императорской фамилии.

Негус (правильнее — ныгус) — досл. царь, титул правителя, признававшего над собой власть (в истории Эфиопии часто формально) «царя царей» — ныгусэ нэгэст.

Негадрас — титул сборщика торговых пошлин.

Рас — один из высших военно-феодальных титулов.

Рас битуюддэд — один из самых высших феодальных титулов, дававшийся ближайшему советнику императора.

Фитаурари — один из высших военно-феодальных титулов.

Бычэге — главный архимандрит всех монастырей, признававших дэбрэлибаносский устав; до получения Эфиопской церковью автокефального статуса в 1958 г. исполнявший также обязанности административного главы; второй после абуны церковный иерарх Эфиопии.

Литература

1. Бартницкий А., Мантель-Нечко И. Некоторые вопросы политической истории Эфиопии на рубеже XIX—XX вв. — История, социология, культура народов Африки. Статьи польских ученых. М., 1974.
2. Бартницкий А., Мантель-Нечко И. История Эфиопии. М., 1976.
3. Кобищанов Ю. М. Лидж Иясу, его историческая роль и свержение. — Все-союзная конференция по эфиопским исследованиям (Москва, 19—21 июня 1979 г. Тезисы докладов). М., 1979.
4. Кобищанов Ю. М. Политическая жизнь Эфиопии в 1907—1910 гг. (по архивным материалам). — Эфиопские исследования: История, культура. М., 1981.

5. *Кохановский А.* Абиссиния (Доклад министру иностранных дел С. Сазонову 1-го июня 1913 г.).— *Новый Восток*. 1922, кн. 1.
6. *Тэкле Цадик Мэкурия*. От императора Теодороса до Хайле Селассие. Аддис-Абеба, 1946 (по эфиоп. летосчис.; на амхар. яз.).
7. *Ханов А. А.* Некоторые моменты из истории Африканского Рога на рубеже XIX—XX вв.— Всесоюзная конференция по эфиопским исследованиям (Москва, 19—21 июня 1979 г. Тезисы докладов). М., 1979.
8. *Цыпкин Г. В.* Эфиопия: От раздробленности до политической централизации (вторая половина XIX — начало XX в.). М., 1980.
9. *Ягья В. С.* Эфиопия в новейшее время. М., 1978.
10. *Ягья В. С.* Лидж Иясу — преемник Менелика II на эфиопском троне (1913—1916).— *Страны и народы Востока*. Вып. 21. М., 1980.
11. *Asfa ilma*. Haile Selassie Emperor of Ethiopia. L., 1935.
12. *Bairu Tafla*. Ethiopia and Germany: Cultural, Political and Economic Relations, 1871—1936. Wiesbaden, 1981.
13. *Bairu Tafla*. Two of the Last Provincial Kings of Ethiopia.— *Journal of Ethiopian Studies*. 1973, vol. 11, № 1.
14. *Davy A.* Ethiopie d'hier et d'aujourd'hui. P., 1970.
15. Great Britain. Foreign Office. Historical Section: Abyssinia. L., 1920.
16. *Greenfield R.* Ethiopia. A New Political History. L., 1965.
17. *Marcus H. G.* The End of the Reign of Menelik II.— *Journal of African History*. 1970, vol. 11, № 4.
18. *Marcus H. G.* The Life and Times of Menelik II.— *Ethiopia 1844—1913*. Oxf., 1975.
19. *Michel C.* Mission de Bonchamps. Vers Fachoda. P., 1900.
20. *Pankhurst R.* Economic History of Ethiopia. 1800—1935. Addis Abeba, 1972.
21. *Petraček K.* Ethiopia. Praha, 1964.
22. *Rosenfeld Ch. P.* Empress Taitu Bitoul, «Lioness of Judah».— *Proceedings of the First United States Conference on Ethiopian Studies*, 1973. East Lansing, 1975.
23. *Rosenfeld K. P.* The Downfall of Empress Taytu: 20—27 March, 1910. Addis Ababa, 1984 (Eighth International Conference of Ethiopian Studies).